

УДК 327

МОРОЗОВ Максим Константинович — аспирант 3-го курса факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (191060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3; morozovmax1711@yandex.ru; <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-9666-4124>)

ГОСУДАРСТВА ЕС И ПАНДЕМИЯ: «ЗА» И «ПРОТИВ» ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В статье автор ретроспективно анализирует аспекты развития евроинтеграции, которые приобрели особое значение на протяжении распространявшейся пандемии коронавируса в Евросоюзе. В статье проводится анализ проявившихся в данный период тенденций и перспектив евроинтеграции на основе рассмотрения внешнеполитических интересов стран Евросоюза и системной роли ЕС в мире, влияющей на внешнюю политику стран-участников. Однако государства ЕС проявили склонность использовать преимущества ЕС как регионального интеграционного объединения при борьбе с коронавирусом, в то же время не делая интеграционные процессы необратимыми. Важными оказались такие проблемы, как экономические выгоды евроинтеграции, роль «мягкой силы» ЕС в мире, политические расколы ЕС, оперативность реагирования ЕС на международные проблемы. Евросоюз проявил себя как значимый игрок при решении внутренних проблем его участников, но не настолько, чтобы полностью заменить деятельность местных акторов. Автор делает акцент на том, что указанные в статье проблемы и противоречия были характерны для фазы пандемии в 2020–2021 гг., в то время как события украинского кризиса актуализировали новые вызовы.

Ключевые слова: пандемия, ЕС, евроинтеграция, баланс сил, международные акторы, наднациональное регулирование

Целью проводимого исследования является рассмотрение проблем и вызовов такого сложного процесса, как евроинтеграция, проявивших себя в период коронавирусной пандемии. Автор, употребляя в тексте словосочетание «период пандемии» и описывая реакцию европейских государств на эти события в связи с восприятием ими процессов евроинтеграции, подразумевает период с начала пандемии коронавируса в Европе (2020 г.) до начала украинского кризиса (февраль 2022 г.).

Прежде всего, обратит внимание на анализ последствий указанных событий для процессов европейской интеграции в научной литературе. Выделяя плюсы и минусы евроинтеграции, проявившиеся в связи с событиями коронавирусной пандемии, исследователи обращают свое внимание на то, что:

— с одной стороны, имеются большие финансовые ресурсы европейских сообществ, позволившие им бороться с кризисами (что проявилось в утверждении бюджета на 2021–2027 гг. для борьбы с пандемией), и, с другой — большой объем расходов при европейском антикризисном реагировании [Гусев 2021];

— интеграция в период пандемии приобрела преимущественно геополитический характер, из-за чего ЕС проявил готовность ответить на глобальные угрозы странам Европейского региона, хотя при этом появлялось все больше разногласий между ключевыми игроками ЕС в выборе стратегий европейской политики;

— ЕС в указанный период использовал преимущественно «мягкую силу» при реагировании на кризисы [Шумилин 2020: 17];

- с ростом влияния в мире происходит одновременное расширение числа внешнеполитических вызовов¹;
- имеются противоречия между принципом солидарности ЕС и эффективностью локальной политики [Townend et al. 2020: 255];
- отсутствует единство общественного мнения ЕС в кризисной ситуации одновременно с готовностью обществ большинства государств реагировать на ситуацию [Крастев, Леонард 2021].

Рассматривая данные противоречия, автор статьи соглашается с тем, что они действительно проявились в период пандемии, как и с большинством тезисов о возникших трудностях в политике Евросоюза. В целом, представленные выше позиции приводят к выводу, что ЕС обнаружил себя как масштабный политический проект, который стремится к разрешению кризиса за счет использования своих преимуществ. Важным аспектом является то, что обострились противоречия между разными странами в связи с разным восприятием выгод евроинтеграции, в связи с чем появился раскол внутри ЕС по ряду принципиальных позиций. Главным основанием подобных разногласий стало то, что принятие решений в ЕС достаточно давно осуществляется на основе баланса индивидуальных потенциалов и вкладов участников объединения [Бордачев 2022], следовательно, появилась тенденция к тому, что игроки с наибольшим потенциалом стали получать больше выгод. Поэтому у ЕС, безусловно, сложилось стратегическое видение политики, и страны – члены ЕС в какой-то степени стали опираться на него, поддерживая евроинтеграцию. Но одновременно с этим проявилась незавершенность реакции на некоторые фундаментальные и значительное число локальных вызовов, которые имеют корни в целом ряде противоречий, проявивших себя при основании ЕС.

На основе этого можно выдвинуть гипотезу, что пандемия обострила такое важное противоречие евроинтеграции, как, с одной стороны, универсализм и максимально широкие по сравнению с другими политическими игроками возможности влияния Евросоюза на глобальные и региональные угрозы его членам и остальному миру и, с другой – незавершенность евроинтеграции на уровне фундаментального баланса власти внутри ЕС, что позволило участникам европейского проекта нередко отдавать предпочтение более традиционным способам борьбы с данными вызовами.

В период пандемии коронавируса и государства ЕС, и общие структуры Евросоюза оперативно реагировали на внешние вызовы, проявляя в этом реагировании самые сильные свои стороны. В то же время реагирование обнажило известные противоречия между ними, в результате чего общие действия перед лицом угроз оказались возможными на основе хрупкого баланса, установившегося в их отношениях. Тем не менее временная консолидация ЕС уже в условиях украинского кризиса показывает, что подобная хрупкость не обязательно исключает также и некоторую устойчивость самих оснований евроинтеграции. Хотя европейские страны и проявили разные позиции по степени ограничения поставок энергоносителей из России, общая повестка о необходимости преодоления зависимости в целом не оспаривается европейскими игроками [Кавешников 2022]. Относительная устойчивость и хрупкость все же ужились в европейском проекте. Важной причиной этого можно назвать то, что заинтересованность национальных государств ЕС в видении этого объединения как традиционного союза, совместный потенциал которого способство-

¹ Арбатова Н. К. 2022. Переломный год во внешней политике Евросоюза. – *Независимая газета*. Доступ: https://www.ng.ru/dipkurer/2022-01-30/10_8358_france.html (проверено 18.06.2022).

вал бы сохранению безопасности его индивидуальных участников, стал противоречить интересам сил, заинтересованных в едином ЕС в первую очередь как в политической структуре, снимающей противоречие между индивидуальным и всеобщим.

Для того, чтобы глубже понять феномен европейской интеграции, необходимо рассмотреть понятие «интеграция» в целом. Исследователи, рассматривая данное понятие, исходили из системной и структурно-функциональной трактовки интеграции, определяя ее как соединение частей системы на основе принципа совместимости [Бостан 2014: 4]. Тем не менее авторы более новых публикаций менее абстрактны в своих предположениях. Так, отечественный исследователь Владимир Зуев полагает, что ключом к пониманию термина «интеграция» является наличие наднационального механизма, благодаря которому государства, участвующие в интеграционных процессах, объединяют экономический и политический аспекты интеграции [Зуев 2011: 96]. При этом именно взаимопроникновение экономик и политик европейских стран позволяет говорить о том, что интеграция действительно произошла.

Уникальность Евросоюза заключается в том, что в нем государства передали власть наднациональному механизму, представляющему собой уровень власти более высокого порядка. Данный процесс не мог не повлиять на то, каким способом европейские государства стали относиться к распределению силы – решающему фактору, влияющему на самоопределение акторов в международных отношениях.

В неоклассическом реализме понимание силы как основной переменной, влияющей на структуру международных отношений, приводит к признанию суверенного государства в качестве основного актора международной системы [Шабага 2015: 25], ведь именно государство – первостепенный из акторов, стремящихся к накоплению силы и аккумулирующих ее. В то же время евроинтеграция ставит под вопрос стремление к традиционному накоплению и, как следствие, обеспечению силы, а значит и к другому основанию политического существования.

Безопасность стран – членов ЕС обеспечивается передачей индивидуальной силы стран – участников организации в целом, которая будет являться, с одной стороны, традиционным силовым игроком (в результате суммирования потенциалов стран-членов), но в корне отличающимся от индивидуальных игроков, его составляющих. Если интересом обычных национальных государств, действовавших до интеграции, было обеспечение в максимальной степени возможно независимого от остальных игроков существования (за счет накопления индивидуальной силы), то после интеграции целью стало накопление силы как самостоятельной субстанции международной жизни, опираясь на которую, участники международных отношений могут извлечь максимально возможную для себя выгоду. Залогом существования данной субстанции и должна была стать евроинтеграция.

Такой подход поставил государства Евросоюза перед следующим выбором: доверить ли свою безопасность совершенно новому обеспечению или же предпочтительнее опираться на старые источники силы? Пандемия коронавируса стала вызовом, обостряющим это противоречие.

В пользу того, что этот вопрос еще во время пандемии не был окончательно решен, свидетельствует обратимый характер евроинтеграции. Национальные государства Европы сохраняли в качестве перспективы возможность отказаться от ее преимуществ, если она будет противоречить их интересам (т.е. не будет обеспечивать их интересы в такой мере, что участники евроинтеграции

не смогут от них отказаться). Причина этого заключается в том, что источник формирования наднационального механизма — все те же суверенные государства, которые при данном формировании первоначально договорились о пределах действия данной наднациональности.

Пандемия коронавируса стала в итоге вызовом, обострившим это противоречие евроинтеграции. Причина в том, что пандемия трансгранична, поэтому ее нельзя было ликвидировать полностью ни средствами национального государства (в силу очевидности), ни с помощью наднационального механизма (по причине того, что наднациональность не проникает так глубоко, чтобы справиться со всеми местными явлениями). Но, с другой стороны, разнонаправленные интересы различных международных акторов не позволяют говорить о реакции международной системы в целом. Если ее игроки попытались бы совместными усилиями ликвидировать пандемию не только в пределах своей территории, но и на территории друг друга, то они подверглись бы риску поставить частную проблему безопасности (такую, как пандемия) выше своих интересов по сохранению силового равновесия с внешними по отношению к своей «зоне» интересов международными игроками. Иначе говоря, пандемия — настолько глобальный вызов, что если бы государства — члены ЕС начали серьезно бороться с ней совместными усилиями, то иного пути, кроме интеграции международного сообщества, перед ними просто не было бы, частная проблема превратилась бы во всеобщую. В связи с этим пандемия притормозила процессы международной и региональной интеграции, призвав международных игроков остановиться на базовых интересах — суверенных и региональных границах. И Евросоюз не стал исключением. Поэтому можно сказать, что международные игроки, и в т.ч. ЕС, своевременно заметили выгоду в аккумуляции капиталов и ресурсов для борьбы с пандемией, но на их твердой приверженности своим ближайшим интересам это так и не отразилось.

Именно поэтому пандемия осветила очевидные плюсы и минусы процесса развития евроинтеграции, проявившиеся во время наибольшего ее обострения. В числе первых следует указать на возможность отреагировать на возникающую угрозу (в данном случае — пандемию) совместно и таким образом попытаться предотвратить ее в зародыше (последнее, тем не менее, весьма маловероятно). Среди минусов следует выделить главным образом тот, что наднациональный механизм так и не достиг того уровня комплексности влияния, который учитывал бы характерные особенности реакции национальных государств на внешние вызовы.

Всеобщий и молниеносный характер распространения коронавируса, его проникновение во все сферы труда и быта потребовали мер борьбы, которые носили бы характер всеобщности. Вместе с тем именно такая всеобщность была (в том числе) заложена в основу евроинтеграции. И это противоречило бы традиционным устремлениям государств Европы, руководствующихся реалистической логикой защиты своих интересов; при этом главными преимуществами нового типа объединений стали бы его масштабы, гибкость и регулятивность.

Рассматривая реакцию европейского общества на пандемию, следует отметить, что в ряде стран доверие правительству в плане обеспечения им базовых ценностей свободы и безопасности подверглось ревизии. В результате выходом для этих стран могла бы стать своеобразная политическая «перезагрузка», и способность обновленных институтов власти восстановить утраченное доверие могла бы быть решающим фактором, определяющим, чему граждане европейских государств будут доверять больше — наднациональ-

ным институтам или национальным правительствам. Решающим мог бы стать следующий момент: какая политическая структура восстановит наибольший объем выгодных для жителей данного государства связей — национальная или наднациональная.

Процессы интеграции в острую фазу пандемии свидетельствовали в пользу того, что противоречие,двигающее политическую жизнь Евросоюза, снято было лишь внешним образом. Об этом говорит преимущественно геополитический характер интеграции, преобладавший в этот период. Поэтому можно сказать, что именно выгоды евроинтеграции, связанные с силовым потенциалом, распространением международного влияния и своей безопасностью в мире, стали для участников Евросоюза во время обострения пандемии главными. Последние события на Украине также подстегнули Евросоюз в стремлении обеспечить свою геополитическую цельность, единство перед лицом внешних угроз.

Пандемия повлияла на характер преследования европейскими государствами данных выгод двойственно. С одной стороны, коронавирус подтвердил: способность бороться с общемировой и трансграничной угрозой в первую очередь проявило объединение, имеющее лидирующий статус в международных отношениях и стремящееся распространить свое влияние на все регионы мира.

В других же сферах налаживание взаимодействия произошло не столь успешно. В частности, полноценное распределение полномочий в сфере экономической интеграции между национальными государствами и наднациональными органами возможно лишь на основе доверия, оказываемого национально-государственными акторами наднациональным: от вклада в экономику структуры в целом исключительно национальная выгода отдельного актора становится неочевидной. Получается, что индивидуальные геополитические выгоды, которые игроки ожидают от Евросоюза, также становятся неочевидными, ведь поддерживается мощь объединения в целом, отчужденного от их изначальных ожиданий.

Поскольку традиционный, «реалистический», как было указано выше, паттерн поведения европейских государств в период пандемии сохранялся как ответ на проблему политического существования, то можно сказать, что пандемия возвала его к жизни и тем самым поставила под вопрос установившуюся с момента основания ЕС степень приверженности государств Евросоюза курсу на евроинтеграцию.

Несмотря на указанный выше вызов, государства Евросоюза не стали отказываться от опоры на те преимущества европейской интеграции, которые связаны с возможностями оперативно реагировать на стремительно распространяющийся вирус. Таким образом национальное проявило свою зависимость от интегрирующего. Евросоюз — это структура, которая отличается наиболее тесным в мире переплетением политического и экономического в региональном масштабе, а потому ее использование для ликвидации последствий пандемии на своей территории восприняли как средство, дающее возможность добавить дополнительные очки в геополитический багаж.

Другой момент, на который следует обратить внимание: ЕС преимущественно пытался использовать всеобщность своих мер для решения, с одной стороны, задачи бороться с пандемией, с другой — сохранять те преимущества, которые можно извлечь непосредственно из европейского единства. Причем одно должно было предполагать другое. Расчет был сделан на то, что реформирование экономики поможет и выбраться из кризиса, и привести к постковидному восстановлению (добиться данного результата должны помочь «зеленый

переход» и цифровизация)¹. То есть, элиты Евросоюза сделали ставку на то, что уже запущенные ранее меры трансформации системы все-таки помогут справиться с кризисом, что, в свою очередь, обновит систему. В ряде мер для обеспечения реакции системы политических структур ЕС европейцы оставались довольно консервативными: известно о фактах сдерживания поставок российской вакцины в Евросоюз, в частности в форме предостережения Венгрии со стороны Европейской комиссии от массовой закупки вакцин из России на видеоконференции 19 ноября 2020 г.² Исходя из этого, можно сделать вывод, что Евросоюз в пиковый период пандемии пытался не столько меняться, сколько приспособливаться.

Тем не менее европейские элиты, даже опираясь на свои преимущества, оставались довольно деликатными в отношении возможностей национальных государств, которые проявились в процессе борьбы с пандемией. Так, Европейская комиссия предоставила государствам – членам ЕС возможность самим оказывать государственную помощь³, равно как и финансовую поддержку национальным системам здравоохранения, что говорит о присутствии в прошлом тогда стремлении ЕС обеспечить гибкие меры регулирования в период кризиса и не нарушать проверенный временем баланс власти. Таковы преимущества инструментов ЕС. Появился, тем не менее, и риск в виде стремления ЕС выделять слишком большие средства на внешнюю помощь в сравнении с расходами на внутреннюю⁴.

Статистика показывает, что Евросоюз в начальный период пандемии стремился к комплексному распределению ресурсов для восстановления ключевых отраслей экономики после кризиса. Еще в 2020 г. Европейская комиссия выделила средства для восстановления экономики по таким направлениям поддержки, как вклад в экономики отдельных государств-членов, отстающих в развитии, поддержка частного сектора по всей Европе, вклад средств в ряд сфер, особенно пострадавших во время кризиса, и поддержка общих для всей Европы целей устойчивого развития [Китрар, Липкинд, Остапкович 2020: 8-11].

Тем не менее статистика показывает и другое. Некоторые европейские государства проявили склонность больше сотрудничать с государствами вне Европейского региона, чем с другими членами Евросоюза, для ликвидации последствий пандемии. Такая ситуация говорит об одном: тенденции поведения государств ЕС в начальный период пандемии сменились тем, что элиты

¹ European Council conclusions. General Secretariat of the Council. Brussels, 1–2 October. 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/pressreleases/2020/10/02/european-council-conclusions-1-2-october-2020/> (accessed 18.06.2022).

² Consilium. Europa. Video conference of the members of the European Council. General Secretariat of the Council, 19 November. 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2020/11/19/> (accessed 19.06.2022).

³ Меры ЕС по борьбе с коронавирусом. Европейская Комиссия. 30 марта. 2020. Доступ: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/coronavirus_measures_30.03_ru.pdf (проверено 22.06.2022).

⁴ Актуальная информация о мерах ЕС по борьбе с коронавирусом. Европейская Комиссия, 18 марта. 2020. Доступ: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/75996/%D0%90%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%85%20%D0%95%D0%A1%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D0%B5%20%D1%81%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BE%D0%BC (проверено 23.06.2022).

Евросоюза вынуждены были вступить в «гонку на опережение», чтобы ликвидировать последствия коронавируса и кризиса, им вызванного, быстрее, чем альтернативные игроки международной системы, которые могут выступить в качестве потенциальных конкурентов евроструктур. Коронакризис в результате можно рассматривать как серьезное испытанием для элит Евросоюза, и он определит дальнейшее отношение стран – членов ЕС к интеграции.

Другая проблема, на которую следует обратить внимание, – это возникший в период коронакризиса раскол внутри Европейского союза. Особенно он затронул противоречия между такими странами, как Польша и Венгрия, с одной стороны, и странами Западной Европы – с другой [Цзинь 2020]. Причина заключается в том, что реакция европейских наднациональных органов и отдельных стран на события кризиса различается. Более радикальный вызов в виде украинского кризиса, с одной стороны, консолидировал европейские государства, но в то же время обновил некоторые старые противоречия. Более «проамериканские» восточноевропейские члены ЕС настаивали на более радикальных мерах в области ограничения энергоносителей, в то время как такой относительно независимый член, как Венгрия, в меньшей степени участвует в антироссийских мерах. Все это говорит о том, что консолидация ЕС может быть временной, и старые расколы вновь проявят себя.

Важным аспектом, на который нужно обратить внимание, является подчеркиваемая некоторыми исследователями невозможность локальной ликвидации вируса, которая при обострении пандемии стала предпочтительной стратегией по сравнению с попыткой полностью ликвидировать вирус. Но, несмотря на это, даже использование данной стратегии требует объединения усилий. Вместе с тем данный подход не отменяет того, что принцип солидарности во время обострения пандемии был важным способом борьбы с ней.

Другим важным противоречием является то, что ранее налаженные трансграничные (межрегиональные) связи в условиях пандемии были пресечены, а межрегиональный обмен прекратился из-за закрытия границ европейскими государствами (в качестве примера можно привести больницу на франко-испанской границе)¹. Данные обстоятельства говорят о том, что степень евроинтеграции зашла еще не настолько далеко, чтобы страны Европы были не в состоянии приостановить межрегиональные процессы посредством ввода «чрезвычайного положения».

Все указанные выше разногласия свидетельствуют о следующем: Евросоюз всегда предлагал и может предлагать своим участникам ресурсы, технические возможности для борьбы с пандемией. Кроме того, он позволил странам-участникам оптимальным образом распорядиться своим внешнеполитическим потенциалом для противостояния вызовам сразу по нескольким направлениям внешней политики.

События пандемии показали, что европейские государства предпочли не отказываться от выгод европейской интеграции, однако перспективы ее углубления также оказались под вопросом, что говорит об изначальной хрупкости европейского проекта. Пандемический шок вскрыл противоречия европейского проекта, сделав их более зримыми. Европейская интеграция еще не настолько далеко зашла, чтобы позволять ее участникам решать проблему самой власти и экзистенциальных оснований и вызовов, ее затрагивающих.

¹ A look into the future of the COVID-19 pandemic in Europe: an expert consultation. 29 July. 2021. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanep/article/PIIS2666-7762\(21\)00162-9/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanep/article/PIIS2666-7762(21)00162-9/fulltext) (accessed 30.10.2022).

В период с начала пандемии и до начала украинского конфликта опора европейских государств на традиционные ее источники оставалась непоколебимой.

Украинский кризис, начавшийся с февраля 2022 г., принес новые вызовы процессу европейской интеграции. В качестве первого вызова следует отметить вызов необходимости государств Европы занять общеевропейскую геополитическую позицию. Общей идентичностью, скрепляющей государства ЕС перед потребностью в геополитическом объединении, является принадлежность не столько к Евросоюзу, сколько к «коллективному Западу», представление себя частью Запада. Таким образом, интенсификация европейских интеграционных процессов связана с особой ролью Евросоюза как центрального элемента геополитического единства Запада. Возникает вопрос: будут ли государства ЕС всецело поддерживать эту позицию? Следующий вызов: государства ЕС вынуждены решать, что для них важнее — наднациональное или национальное. Тем не менее вопрос приобрел новый оттенок, т.к. основное противоречие национальному и наднациональному сейчас связано с вопросом о приверженности санкциям, что также актуализирует важность национального для государств Европы как «части Запада». В целом, следует отметить, что государства ЕС сейчас проявляют больше стремления к интеграции, чем в описанный в статье период борьбы с коронавирусом. Главным различием является то, что процессы евроинтеграции стали рассматриваться не столько преимущественно в контексте соотношения выгод от наднациональных и национальных мер социального, экономического и политического регулирования в период, описанный выше, сколько в контексте фундаментальных вызовов безопасности так называемому западному миру.

Список литературы

Бордачев Т.В. 2022. Европа и ее мифы. — *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropa-i-eye-mify/> (проверено 30.10.2022).

Бостан С. 2014. Особенности развития интеграции как формы международной политики в контексте современных глобализационных процессов. — *Studia Humanitas*. № 4. С. 1-13.

Гусев А.А. 2021. На что направлен новый бюджет Евросоюза? — *Международная жизнь*. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/33101> (проверено 19.06.2022).

Зуев В.Н. 2011. ЕС: Наднациональный механизм — главный инструмент европейской интеграции? — *Современная Европа*. № 2(46). С. 94-108.

Кавешников Н.Ю. 2022. Антироссийская политика Европейского Союза как реакция на украинский кризис. — *Российский совет по международным делам*. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (проверено 30.10.2022).

Китрар Л., Липкинд Т., Остапкович Г. 2020. Европейская программа экономического восстановления. М.: НИУ ВШЭ. 17 с. Доступ: <https://www.hse.ru/data/2020/07/10/1595832061/European%20programme.pdf> (проверено 30.10.2022).

Крастев И., Леонард М. 2021. Невидимый раскол в Европе: как COVID-19 поляризовал европейскую политику. — *Россия в глобальной политике*. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/nevidimuj-raskol-v-evrope/> (проверено 30.10.2022).

Шабага А.В. 2015. Методология исследования международных отно-

шений: реализм. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Международные отношения. Т. 15. № 3. С. 24–33.

Шумилин А.И. 2020. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза. — *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2. С. 14–20.

Цзинь Л. 2020. Европейская (дез)интеграция в зеркале пандемии. — *Валдай. Международный дискуссионный клуб*. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropeyskaya-dez-integratsiya-v-zerkale-pandemii/> (проверено 27.06.2022).

Townend D.M.R. et al. 2020. What Is the Role of the European Union in the COVID-19 Pandemic? — *Medicine and Law*. Vol. 39. Is. 2. P. 249–267.

MOROZOV Maksim Konstantinovich, 3rd year postgraduate student of the School of International Relations, St. Petersburg State University (1/3 Smolny St, St. Petersburg, Russia, 191060: morozovmax1711@yandex.ru; <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-9666-4124>)

EU STATES AND THE PANDEMIC: PROS AND CONS OF EUROPEAN INTEGRATION

Abstract. The article retrospectively analyzes aspects of the development of European integration, which have acquired particular importance during the spread of the coronavirus pandemic in the European Union. The author analyzes the trends and prospects for European integration that have emerged during the pandemic, based on the consideration of the foreign policy interests of the EU countries and the systemic role of the EU in the world, influencing the foreign policy of its constituent countries. However, the EU states have shown a tendency to use the advantages of the EU as a regional integration association in the fight against coronavirus, while at the same time have not made the integration processes irreversible. Important issues turned out to be such as the economic benefits of European integration, the role of the EU's soft power in the world, the EU's political splits, and the promptness of the EU's response to international problems. The European Union has shown itself to be a significant player in solving the internal problems of its members, but not so much as to completely replace the activities of local actors. The author emphasizes that the problems and contradictions indicated in the article were typical for the pandemic phase in 2020–2021, while the latest events of the Ukrainian crisis brought new challenges to the fore.

Keywords: pandemic, EU, European integration, balance of power, international actors, supranational regulation
